

СВОЮ "мюнхенскую" колонку в октябре я завершил двумя забытыми, но вполне проверяемыми фактами: 1) март 1938 года — танки Гитлера не смогли пройти 150 км по автобану до Бены и были доведены на парад в честь аншлюса по железной дороге; 2) Чехословакия занимала первое место в мире по экспорту вооружений (плюс не снисшедшее тогда немцам качество).

До "Мюнхена" — полгода, выровнять военную промышленность за такой срок — утопия. Чешская армия — 2 миллиона человек, у Гитлера — 2,2 миллиона. По военным канонам, нужен 2-х-3-кратный перевес для успеха атаки даже в поле, а там... После аншлюса Австрии Чехословакия выглядела на картах, как полуокруженная немцами страна. Но... оторвитесь, наконец, от "политических карт", загляните и в физические! И вы увидите, что коричневая полоса меж Чехией и Германией — не "коричневая чума фашизма", как её любили рисовать... Век механического бубнения: "Судеты, судетские немцы..." — заставил многих забыть: а что, собственно, есть Судеты? Луга? Поля? Нет, Судеты — это горы! Кстати, прежнее их название: "Испиновои горы".

Со дня создания республики (1919) чехи вели беспрерывную работу. Сочетание горного рельефа и фортификации дает мультиплицирующий эффект (сравните: дот в чистом поле — и на горном перевале!). Судетская линия неизмеримо превосходила все полсово-брандывые "Мажино", "Зигфриды".

В октябрьской "мюнхенской" статье я уже цитировал показания Кейтеля: "По мнению германских военных, Чехия была абсолютно неприступна".

Но кто же создал эту забытую Линию? Русский генерал Сергей Николаевич Войцеховский, чьи войска взяли Екатеринбург в июле 1918 года, через несколько дней после убийства царской семьи. Не вынес братоубийственной войны, он уехал в Чехию — создавать армию новорожденного славянского государства. Чешский историк Иржи Фидлер пишет: "Работал для своей новой родины на границе физических возможностей". Именно командующий Пражским военным округом генерал Войцеховский, создавший ту уникальную Линию, в роковую ночь 30 сентября 1938 года, когда на совещании у президента решали, принимать или нет условия Мюнхена, один был против. Точнее, по воспоминаниям чешского дипломата Яроміра Смутного, против капитуляции высказался еще и начальник канцелярии президента Прокоп Дртина. Но, получается, из военных — только генерал Войцеховский...

В августе 2008 года мне посчастливилось познакомиться с внучатой племянницей генерала Войцеховского, живущей в США Татьяной Темникова. Она сообщила, что потомки героя Чехии живы и бережно хранят его архив...

Хотя нет... против сдачи Гитлеру вошла еще одна русская, долгое время жившая в Чехии, — Марина Цветаева:

*Богово! Богомил!
Не лежи, как пласт!
Бог давал обещанья
И опять подает!...*

Давать "обеими" (руками) — значит: щедро одарить. Цветаева тормозит чехов, верит в судьбу щедро одаренного народа.

Но, создавая в Версале новые государства, подвели под них и мину: набор либеральных принципов. Включавший права меньшинств, права наций на самоопределение... Как ими пользоваться? Ответ гениально сформулировал лидер судетских немцев Конрад Генлейн, выходя после очередного инструктажа из кабинета Гитлера: "Мы должны всегда требовать столько, чтобы наши требования невозможно было удовлетворить"...

Британский посол в Праге Ньютон отмечал: "Чехословакия — искусственное создание, не имеющее корней в прошлом... Если понадобятся оправдания перед расцениваемыми это как постыдную капитуляцию перед германскими угрозами, можно объяснить нашей постоянной приверженностью принципу самоопределения наций".

Личный адъютант Гитлера Видеман в Лондоне вел переговоры с лордом Галифаксом, главой Форин офис. Галифакс: "Передайте ему (Фюреру. — И.Ш.), я надеюсь дожить до момента, когда осуществится главная моя цель: увидеть Адольфа Гитлера с королем Англии на балконе Букингемского дворца!"

Итоговая оценка заместителя Галифакса О.Харви: "Фактически за Германию ультиматум чехам предъявляли мы". Был франко-чешско-советский союзный договор, но без французской военной помощи Чехия отказалась и от советской. И, справедливости ради, надо признать: военная помощь СССР на стратегических весах 1938 года действительно значила меньше, чем французская. По причине удаленности, отсутствия общей границы СССР с Германией и крайне подлой позиции польского правительства Бека: категоричный запрет на пропуск советских войск (на помощь чехам) — вплоть до угрозы войны. За это Польша из чешского наследия и получил от Гитлера высокоразвитый Тешинский округ, а в сентябре 1939-го — и всё остальное причитающееся.

17 сентября 1938 года чешский министр иностранных дел Крофта признал: "СССР делает для Чехословакии больше, чем можно требовать по договору". Возражение может быть одно: античانه волны давать чехам гарантии и забирать их обратно ("У Англии нет постоянных союзников, есть постоянные интересы"). Но дело в том, что в Мюнхене они говорили чехам не это, а совсем другое: "Права наименьшихств святы! Отдайте Судеты — и в новых границах вы получите новые гарантии". Одновременно военный министр Хор-Белиш признал, что у них "нет возможности (и желания) эти гарантии чем-то подкрепить!"

Чехам объяснили: упорству из-за Судет, вы себя противопоставите не только Германии — всему европейскому общественному мнению! А возможное принятие помощи от СССР только усугубит вызов и вину. Не имея чехи английских гарантий вообще, решившись на неполицорректные шаги, они, разумеется, выстояли бы, а немецким генералам с их заговором — не надо было бы дожидаться аж до 1944 года!

30 сентября 1938 года Чешская армия начала отступление из Судет. Покинула горные цитадели, основа оборонной мощи страны. Дух сопротивления чехов был сломлен от осознания фатальности, промадности их ошибок: словно черепаха уговорили променять панцирь на бумажки, а потом и бумажки забрали...

Игорь ШУМЕЙКО

СРОЧНЫЙ РЕМОНТ

О системе образования

КРУШЕНИЕ Советского Союза вызвало тектонические сдвиги во всех общественных сферах. Расставание с державой, где на первом плане находились интересы простых граждан, стало шоком для населения. В мгновение ока люди оказались не просто брошенными на произвол судьбы, а лицом к лицу с чиновничье-бизнесовой стаей, жаждающей расфасовать созданное трудом нескольких советских поколений. Бескорыстная вера и чаяние лучшего будущего стремительно конвертировались в активы и роскошь узкой группы, возвысившейся на беспрецедентном разграблении государства.

Тотальный обвал 1990-х годов трагично отразился на образовании, ранее обеспечивавшем устойчивость всей социальной системы. Возникшая на обломках СССР реальность, пафосно именуемая "демократией", то есть "властью народа", ориентировалась на совершенно другие ценности. Качественное образование гражданина уступало место навыкам потребителя товаров и услуг, адаптированного под западные стандарты. Новый истеблишмент стремился в мировой глобальный проект, продвигаемый на Западе.

Багаж советской школы и университетской науки, работавший на национальную идентификацию, стал ненужным хламом, от которого требовалось как можно скорее избавиться. Образование начали втискивать в так называемую "болоную систему", с бакалавриата и магистраты. Навязали тестовую форму проверки знаний, объявив её панацеей от всех недугов. До банального бизнеса низвели учебный процесс, воспринимая его исключительно сквозь призму денежных потоков.

Зачем вспоминать, что советская модель, опиравшаяся на дереволлюционный опыт и достижения школ, типа колмогоровской, не уступала в эффективности западной?! К чему помнить, что те же американцы и японцы перенимали её, приспосабливая под свои реалии?! Наши реформаторы нацелились на иные "передовые практики", пытаясь их механически имитировать. Прогресс оценивался по соответствию западным образовательным контурам.

Результат налицо: падение качества отечественного образования, за короткий срок растерявшего все свои прежние преимущества. Произошло вымывание части высокопрофессиональных кадров за рубеж, на что, по всей видимости, и делался

расчёт. Классический пример устранения конкурента, когда одним выстрелом убивали двух зайцев: подрывали наш интеллектуальный потенциал и заманивали наиболее перспективных к себе.

Одновременно с этим в России через "прогрессивные" реформы был запущен механизм, который иначе как "деградацией в плановом порядке" назвать нельзя. Сегодня с такой оценкой согласится каждый, кто хоть немного соприкасается с научно-образовательной отраслью. Такую деградацию надёжно обеспечивают поводы: недофинансирования и зарегулированность, превращающая все мыслимые пределы. Можно не сомневаться: с помощью этих "средств контроля" будет удушено всё, что ещё способно давать хоть какие-то плоды.

Творцами же подобной "эффективности" являются не какие-то маразматические личности, а респектабельные господа, чьё призвание состоит в распределении казённых средств исключительно в русле указанных целей. С 1990-х годов Министерство науки и образования находилось под их неусыпным попечением, превратившись в инструмент реформ ультралиберального пошиба. Идеальное окормление ведомства осуществляли избранные вузы, выступающие в роли основного поставщика чиновничьих кадров. Меняются правительства, меняются министры — только политика министерства не меняется!

Это тем более удивительно, что общий фон последних лет не благоприятствует либеральному клану в верхах, его позиции заметно потеснены. В отличие от 1990-х, он уже не может безраздельно хозяйничать в военном строительстве, во внешнеполитических делах, в реальном секторе экономики. Однако эта тенденция не распространяется на науку и образование, которые по-прежнему остаются вотчиной всё тех же знакомых лиц.

Это обстоятельство наводит на серьёзные размышления. Конечно, починку государственного корабля, налетевшего на реформаторские рифы, начинают со срочного латания дыр, то есть восстановления бюджета, экономического потенциала. Именно сюда направляются основные усилия. Этим-то и воспользовалась либеральная публика: уступил место, она закрепилась на следующем рубеже — науке и образовании. Но это отнюдь не свидетельство слабости, как может показаться на первый взгляд, а чётко выверенный манёвр.

Чтобы осознать это, следует вспомнить украинского экс-президента Леонида Кучму. Тот был полтощён газовыми делами, оборонной промышленностью, часто пренебрегая тем, что именуется социальной сферой. В результате в научно-образовательных ведомствах "незалежной" прочно окопался откровенно бандеровский элемент, который удерживал рычаги управления уже с начала 1990-х годов. Подрастающим за это время поколениям обильно промывали мозги националистической пропагандой, готовя горючий материал для всевозможных "майданов". Излишне уточнять, где в итоге оказался многоопытный Кучма со всеми своими хозяйственниками.

Очевидно, время работало не на тех, кто увлечённо наращивал выручку, улучшал показатели предприятий и компаний. Нечто похожее сейчас происходит и у нас: "эर्फект Кучмы" вполне возможен и в России. Местная либеральная тусовка через науку и образование плотно завязана на молодое поколение, а потому и леплет надежды на реванш, когда лакомое российское хозяйство вновь окажется в её объятьях.

Правда, в этом сценарии в прошлом году произошла осечка. Впервые в постсоветской истории на министерском посту оказался человек, не завязанный на либерально-реформаторский проект. Речь идёт о новом министре науки и образования Ольге Васильевой. За этим назначением, на самом деле, скрывается огромный смысл. На повестку дня наконец-то встала задача вернуть государству научно-образовательное ведомство, поскольку долгое время оно функционировало в режиме филиала Высшей школы экономики.

Первые шаги Васильевой породили надежды на торможение плановой деградации отечественной высшей и средней школы. Но несложно догадаться, какая буря пронеслась в среде "прогрессивной" общественности: не только их 25-летние усилия могут пойти прахом, но и — страшно подумать! — рухнут радужные надежды на повторение "братского" опыта соседей.

Ставки большие, гораздо шире узкоспециальных рамок. На научно-образовательной ниве посторонним быть не должно, ибо здесь залог самого главного — будущего, здесь — гарантия необратимости любых планов. Пора нам снова это осознать и начать действовать!

Александр ПЫЖИКОВ

Министр науки и образования РФ Ольга ВАСИЛЬЕВА

Архиерейский собор РПЦ, открывающийся в Москве 29 ноября — событие важнейшее, поистине знаковое, которое должно на долгие годы определить дальнейший путь развития нашей земной Церкви. Ибо решения, которые он должен принять, окажутся судьбоносными.

ПЕРВЫЙ ВОПРОС, который, как уже точно известно, будет рассмотрен на соборе, — оценка итоговых документов так называемого Критского собора, что состоялось в июне прошлого 2016 года и был первоначально задуман как Всеправославный. На эту тему написано уже более чем достаточно, в том числе и нами, поэтому напомним лишь основную канву событий. Не видя смысла углубляться в давнюю предысторию, напомним, что на рубеже января-февраля 2016 года состоялось совещание глав Поместных Православных Церквей в Шамбези (Швейцария), где были в предварительном плане одобрены проекты документов будущего Всеправославного собора на Крите, что и было скреплено подписания Предстоятелей Поместных Церквей, в том числе, разумеется, и Патриарха Кирилла. Затем эти проекты были предложены для соборного рассмотрения в рамках каждой из юрисдикций. За три дня до начала февральского Архиерейского собора РПЦ, который должен был рассмотреть эти документы, они были опубликованы. Оставшихся трёх

ных архиереев, то есть епископов, с сакрально-канонической (а не административно-бюрократической) точки зрения равных им "по чести". (По православным понятиям, Патриарх — всего лишь "первый среди равных" епископов, а отнюдь не непогрешимый глава Церкви, каковым католики почитают своего папу).

Однако, жестоко продавлив необходимое им решение, наши экзументы вскоре увидели, что в результате они сами себя загнали в ловушку, оказавшись в крайне двусмысленной ситуации, поскольку вал критики в адрес столь лихо одобренных документов предстоявшего вскоре "критского сидения" стал стремительно нарастать. Причём процесс этот охватил, по сути, весь православный мир. Весьма жёсткая критика раздавалась из уст отнюдь не нескольких маргинальных мирян РПЦ (как пытались представить дело экзументы), а

дней до его открытия и успешного пообщаться там с авторитетными духовниками, однако эта версия на сегодняшний день остаётся предположительной, хотя и весьма вероятной.

Помимо РПЦ, от участия отказались ещё три Поместные Церкви: Грузинская, Болгарская и Антиохийская. Все они в скором времени внятно и официально, на уровне высшего органа церковной власти обосновали своё решение. Кроме того, решение о неучастии принял ряд греческих иерархов (представляющих Эпладскую Церковь). В итоге Критский собор потерял статус "Всеправославного", превратившись в заурядное архиерейское совещание. Что же касается РПЦ, то никакого внятного официального отношения к решению Критского собора пока нет. Предстоящий Архиерейский собор должен будет обсудить и принять такое

Владимир СЕМЕНКО ПОДВОДНЫЕ КАМНИ

Навстречу Архиерейскому собору РПЦ

решение, проект которого подготовлен Синодальной Библейско-богословской комиссией.

Ситуация складывается весьма интригующая. Ведь элементарная каноническая логика требует сначала отменить своё собственное одобрение проектов критских документов от февраля 2016 года (чего и добиваются многие сознательные представители православной общественности), а затем уже принимать решение об отношении к итоговому документам сидения на Крите, в котором мы в итоге не приняли участия. Тем более что эти последние носят характер несколько смягчённый по сравнению с начальными проектами. Действительно интересно: как Освящённый Собор станет критиковать критские документы, не отменив собственного решения об одобрении их первоначальных проектов, носивших более радикальный экзументический вид? Если наш Собор с подачи своего жёсткого и решительного Предстоятеля пойдёт по такому пути, то совершенно очевидно, что ситуация канонического абсурда, в коем на сегодняшний день пребывает наш церковный офисизм, качественно углубится.

Дополнительную пикантность всей ситуации придаёт то, что копирайтеры из СББК, ныне, как объявлено, подготовившие свой критический отзыв, в своё время в полной мере приложили руку к подготовке критских документов и теперь должны, по сути, критиковать самих себя. В то время как авторы независимых критических отзывов ничем подобным не связаны и чувствуют себя вполне свободно. То, как поведут себя члены Архиерейского собора, которых верхушка РПЦ столь грубо использует, действительно крайне важно и интересно. Если никто из них не выразит даже малейшего протеста, это будет означать, что никакой правильной канонической жизни в нашей Церкви нет, "священноначалие" давно уже трансформировалось в самых обычных бюрократов в рясах, для которых существует лишь административное подчинение "начальству", потеряно всякое представление о сакральной власти, и в дальнейшем они уже потеряют моральное право жаловаться на засилье бюрократии и ущемление своих канонических прав. За любые права следует бороться (как это делают истинные ревнители, за свою принципиальную позицию отбывая по полной), в противном случае какие-либо претензии по адресу "начальства" вряд ли можно признать обоснованными.

ВТОРАЯ ПРОБЛЕМА, которую должен обсудить предстоящий собор, — проект нового Катехизиса РПЦ, так же, как и критские документы, подвергнутый со всех сторон уничижительной критике. Причём, немаловажно отметить, что критика эта носит даже более дружный характер, чем в предыдущем случае. Общее мнение заключается в том, что предложенный проект, во-первых, не отвечает своему назначению, поскольку катехизис, как это принято в православной традиции, представляет собой небольшой по объёму текст, излагающий самые азы вероучения, а не многостраничный толстый том, подготовленный по образцу ватиканских документов. Характерно, кстати, что в предлагаемом проекте катехизиса присутствуют вполне экзументические по духу формулировки, словно бы заимствованные из критских документов, что является лишним свидетельством того, что копирайтеры из СББК непосредственно причастны к созданию всех этих текстов. Богословы, взявшие труд изучить предлагаемый проект, дружно указывают и на другие крайне сомнительные с содержательной точки зрения пассажи, констатируют, что в тексте под названием "Катехизис" совершенно неуместны многостраничные документы, ранее принятые Собором, — прежде всего, морально устаревший документ "Об отношении Православной Церкви к инославию" и т.д. и т.п. По признанию самой СББК, к началу ноября поступило уже 136 критических отзывов на проект, откуда вполне понятно, что продавливать принятие его в своём обычном стиле верхушка РПЦ по идее теперь не должна. Вряд ли за

оставшееся время копирайтеры смогут подготовить новый проект, учтя все основные критические замечания, тем более что общее мнение заключается в том, что данный документ вообще невозможно "слепако поправить" и затем принять в качестве Катехизиса: после соответствующих доработок его можно рекомендовать в лучшем случае как некое дополнительное справочное пособие при подготовке катехизаторов. Таким образом, если принятие данного проекта будет либо отложено, либо вообще снято с рассмотрения, это будет означать очередное поражение команды Патриарха Кирилла, а его жёсткое продавливание лишь усилит подспудный внутрицерковный конфликт.

ЕЩЁ БОЛЕЕ СКАНДАЛЬНЫЙ характер носит третий вопрос, который ранее планировалось рассмотреть на соборе, — вопрос о так называемых "екатеринбургских останках". Справедливости ради следует отметить, что здесь позиция Патриарха Кирилла на протяжении всех последних лет воспринималась православной общественностью как вполне конструктивная; в этом вопросе между широкими массами православного народа и высшим священноначалием наблюдалось редкое для нашей Церкви реальное единомыслие. По сути, за без малого двадцать лет, прошедшие после 1998 года, церковная полнота подвела рецепцию решение церковной власти и вынесла ему полное одобрение. Напомним, что в 1998 году Русская Православная Церковь отказалась участвовать в захоронении "екатеринбургских останков" как принадлежащих семье расстрелянного большевиками Царя-Мученика Николая Александровича, поскольку выводы неконституционного органа под названием "правительственная комиссия" (во главе с пресловутым Б.Немцовым) представлялись ей недостаточно убедительными. Теперь, как известно, проходит новое расследование уже церковной комиссией, возглавляемой вторым человеком в иерархии РПЦ — её управделами, митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Варсонофием при кураторстве патриаршего викария епископа Егорьевского Тихона (Шевкунова). Последний в недавнем интервью говорил, что решение к настоящему моменту ещё не готово, хотя, по нашим сведениям, на условно-церковную комиссию сильно давят "сверху" с целью всё-таки добиться от Церкви "признания" останков. Пока Патриарх Кирилл и его окружение сопротивляются, но дальнейший ход событий непредсказуем, поскольку проект явным образом носит непрозрачный международный характер, будучи связан с очень большой политикой, с далеко идущими политическими планами весьма серьёзных закулисных сил. Нам остаётся лишь молиться за Патриарха Кирилла (как, впрочем, и в других случаях), дабы Господь даровал ему силы и разумение.

Большинство комментаторов склоняется к тому, что на предстоящем Соборе вопрос будет "замылнен" под официальный предлогом неготовности решения. При этом, по имеющимся у нас непроверенным сведениям, полученным из конфиденциального источника, за два дня до открытия Собора, то есть 27 ноября, на территории Сретенского ставропигиального монастыря (наместником коего, как хорошо известно, является тот же епископ Тихон) пройдёт конференция по обсуждению предварительных итогов работы комиссии с участием также и экспертов из числа убеждённых оппонентов версии о царском происхождении "екатеринбургских останков". Если эти сведения верны, то цель такой конференции очевидна: попытаться как-то смягчить вал критики в адрес комиссии, в основе которой — констатация полной закрытости её работы. (Публикуются лишь всевозможные интервью с разными экспертами, но не официальные материалы, что мотивируется невозможностью, согласно закону, публиковать материалы уголовного дела, в рамках которого проходит расследование). При этом в ответ на очевидное требование гласного судебного процесса (что предполагает самостоятельность сторон) представители официоза отвечают, что таковой невозможен, поскольку "все умерли". Права наследников и правопреемников потерпевших при этом последовательно игнорируются. Всё сопровождается кампанией в прессе, участниками которой дружно высказываются в пользу царского происхождения "екатеринбургских останков", причём либеральными СМИ поют в унисон с некоторыми "православными ресурсами", чьи руководители упорно стремятся угадать желание начальства раньше, чем оно будет открыто и официально высказано. Если, не дай Бог, собор вдруг неожиданно решит форсировать события в пользу навязываемой версии (во что мы, честно говоря, не верим), то вкупе с неудачным Катехизисом и проблемой Критского собора это может породить в Церкви такую слуту, перед лицом которой движение "непомнящих" или "наезд" неистового "миссионаря" протодиакона А.Кураева покажутся не более чем легкой разминкой.

Ко всему вышеизложенному нельзя не добавить и упоминание о внешних проблемах, перед которыми стоит ныне Патриарх Кирилл, отношения коего со светскими властями России за последнее время, по общему мнению, в не малой степени ухудшились.

Словом, на предстоящем Соборе Патриарх Кирилл и его команда, пожалуй, окажутся перед лицом ещё небывалых вызовов. Чтобы успешно преодолеть все "подводные камни", им предстоит проявить максимум "византийской" виртуозности. Насколько им это удастся — мы скоро узнаем.